

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук Боковой Веры Михайловны

на диссертацию Громовой Дарьи Андреевны

на тему: «Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России в конце XIX начале XX веков (по материалам Таврической губернии)», представленную на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

по специальности 07.00.02 – Отечественная история

В современной исторической науке гендерная проблематика, и прежде всего вопросы, связанные с «женской историей», занимают одно из ведущих мест. Большое внимание привлекает к себе проблема социальной роли женщины в различные эпохи – ее эволюция и влияние на самосознание.

В контексте российской истории узловым моментом данной проблемы является эпоха Великих реформ 1860-х гг., ознаменованная мощными социальными сдвигами, в том числе интенсивной социализацией женщин. В рамках этого процесса происходит прорыв в женском образовании, вовлечение значительных масс образованных женщин в профессиональную деятельность, прежде всего – в педагогику, одну из немногих практических сфер, доступных женщинам в это время, - и, наконец, уже к началу XX в. обнаруживается значительная феминизация учительства.

Все эти проблемы находятся в центре диссертационной работы Д.А.Громовой.

Представленная диссертация – комплексное исследование социальных, правовых и профессиональных аспектов положения

русской учительницы в последние десятилетия XIX - начала XX вв. в Европейской России вообще и в Таврической губернии в частности.

Это первое в отечественной историографии исследование, посвященное положению народных учительниц в данном регионе.

Автор рассматривает различные аспекты и эволюцию женского образования в России, постановку и развитие проблемы женской эмансипации, гендерные особенности педагогической практики и социально-правового и материального положения народных учительниц, его дискриминационные элементы.

Данный анализ позволили автору сделать выводы об особенностях эволюции учительской профессии в целом, о формировании учительской корпоративности и тех факторах, которые способствовали и препятствовали вовлеченности женщин в педагогику.

Объектом исследования стала как сама образовательная система Российской империи в конце XIX - начале XX вв., так и конкретно южнорусская народная школа с ее преподавательским составом.

Большим достоинством работы являются многочисленные, информативные, хорошо составленные таблицы – как в тексте, так и в приложениях.

Диссертация состоит из Введения с обзорами источников и историографии, трех глав, Заключения и Приложений.

В работе над диссертацией автор привлекала большое количество разнородных источников, в том числе архивных, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Среди источников законодательные акты и делопроизводственные материалы, документы учительских съездов, публицистика, периодические издания, материалы личного происхождения. Большую группу составляют сложные и трудоемкие для исследования статистические материалы

Историографический обзор демонстрирует хорошее знакомство автора с литературой вопроса. Вне внимания диссертантки остались

немногие работы, посвященные, главным образом, периферийным сюжетам исследования, такие как: Очерки русской культуры XIX века. Том 3. Культурный потенциал общества. М., Издательство Московского университета, 2001 (очерки: Сысоева Е.К. Народная школа; Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание); Попова О.Д. Епархиальные училища в истории России // Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М., Новое литературное обозрение, 2011; Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: от дворца до острога. М., Кучково поле, 2014 (раздел: Учащиеся и учащие). Следовало бы также обратить внимание на издание: Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц (М., Новое литературное обозрение, 2001), как на сами тексты, так и на вступительную статью А.Ф. Белоусова: используемый автором диссертации мемуарный материал по данной теме достаточно случаен и не вполне репрезентативен.

Первая глава «Развитие системы женского педагогического образования» состоит из двух параграфов и повествует о складывании и эволюции женского образования, как общего (начиная с екатерининских времен), так и конкретно педагогического (формирование институтов гувернанток, домашних учительниц и пр.), в том числе в Таврической губернии с ее полиэтничной спецификой. Автор убедительно показывает, как довольно «элементарный» поначалу характер преподавания неуклонно менялся, в зависимости от тех потребностей, которые возникали перед обществом

В главе также кратко освещена история «женского вопроса», у истоков которого, как справедливо замечает автор, находилось требование права на труд. Это требование, собственно, стало первотолчком женского движения: преодоление семейной несвободы (зависимости женщины от отца или мужа) было возможно только при условии самостоятельного заработка, который, в свою очередь, зависел от качества образования. И речь, разумеется, не шла о физическом труде. Женщины из народа всегда

им занимались, но движение за эмансипацию возникло в иной среде. Кроме того, физический труд крайне плохо оплачивался (даже на фоне сравнительно небольшой зарплаты работающих женщин-интеллигенток) и желанной независимости не давал.

Качество и направленность любого образования, в том числе женского, всегда отвечает состоянию социума и той ролевой модели, которой должен соответствовать ребенок в итоге воспитательного процесса. Можно отметить, что при всех недостатках русского женского воспитания, на которые автор справедливо указывает, оно достаточно гибко отреагировало на появление «женского вопроса» и потребности эмансипации.

В отдельных абзацах текст первой главы обнаруживает, однако, несколько прямолинейное следование автора за источниками, которые далеко не всегда объективны, а порой и неточны. Отсюда заимствованное из мемуаров сообщение (стр. 29), что «официальное название» Смольного института было «Царское заведение для воспитания дворянских барышень». Это ошибка. Смольный никогда за свою историю так не назывался, а официальное его название было «Императорское воспитательное общество благородных девиц».

Отсюда же довольно пренебрежительная оценка институтского образования в целом (цитаты, которые автор оставляет без собственных комментариев).

Заведения эти, конечно, были далеко не однозначны, но они менялись в соответствии с веяниями времени. Наиболее радикальная перемена произошла в 1860-х гг., после чего был перестроен внутренний распорядок институтов, а их учебные программы, как и качество преподавания, перестали уступать гимназическим. При этом воспитание, даваемое в институтах, до самой революции намного превосходило гимназическое. Если выпускницы в основном ориентировались на «удачное замужество», то лишь потому, что в данную эпоху все еще была

востребована в основном семейная, а не профессиональная функция женщин. Наличие такой установки несколько не препятствовало появлению хорошо образованных и социально реализованных выпускниц. Среди бывших институток были, к примеру: известный педагог Елизавета Водовозова, общественная деятельница в области женской эмансипации Анна Энгельгардт, писательница (одна из первых русских женщин-прозаиков) Надежда Соханская (Кохановская), революционерка Вера Фигнер, актриса Мария Лилина, первая русская женщина-авиатор Лидия Зверева и мн. др.

Во второй главе – «Педагогическая деятельность народных учительниц» два (реально три – из-за обширного неозаглавленного введения) раздела. Здесь рассмотрены различные типы начальных учебных заведений, характерных для Таврической губернии (включая этно-конфессиональные), освещены проблемы профессиональной деятельности народных учительниц – их правовой и профессиональный статус, особенности поступления на службу, обязанности и др.

Особый интерес представляют страницы (68-75), посвященные становлению феномена женщины-педагога, а также сообщаемые автором сведения о немецких и татарских школах Таврической губернии, об учительских съездах.

Очень украшают работу живые и конкретные, хотя и короткие биографические экскурсы, посвященные О.К.Третьяковой, Х.Д. Алчевской, С.Б. Фальц-Файн, Е.А.Вороновой и другим деятельницам просвещения.

В третьей главе – «Социальное положение женщин-учителей», состоящей из трех параграфов, рассматриваются сословная и национальная принадлежность учительниц, их материальное положение: жалованье и бытовые условия, а также проблемы, связанные с семейным статусом.

Весьма интересны сообщаемые автором диссертации фактические сведения о социальном составе, численности и др. особенностях женского

педагогического корпуса. В целом убедительно выглядит и третий раздел, посвященный семейному положению учительниц. Следовало бы, однако, как представляется, указать, что дискриминация по гендерному признаку существовала не только в педагогике, но и других сферах приложения женского труда, а вопрос о замужестве учительниц был следствием устойчивой (и относительно изжитой лишь к 1960-м гг.) традиции, согласно которой замужняя женщина в России могла только подрабатывать, помогая мужу, но не работать полный день, так как ее основная функция – вести дом и рожать детей.

И фабричная работница, и дворовая горничная, и классная дама, выходя замуж, традиционно оставляли работу и всецело посвящали себя семье. С этим обыкновением связано, в частности, часто принудительное безбрачие дворовых. Вернуться на работу женщина обычно могла, лишь овдовев, или, на крайний случай, вырастив детей. Эта традиция очень хорошо прослеживается в истории женских институтов, где даже начальницами назначали обычно вдов.

Мужа, жена которого, проживая вместе с ним, вынуждена была целый день работать по найму, общественное мнение осуждало. Из-за этого, по сути, и заработки мужчин были выше женских: он содержал семью, а женщины ему лишь помогали. Из-за этого в российском законодательстве долгое время не был юридически разрешен (и даже поставлен) вопрос об отпуске по беременности и родам.

Та ситуация, которую рисует автор, при которой некоторые школьные учительницы все же выходили замуж и оставались при этом на службе, свидетельствует как раз о прогрессе в деле эмансипации: традиция начала преодолеваться и социальная задача совмещения работы и семейной жизни была поставлена.

Второй раздел третьей главы – «Материальное положение народных учительниц» представляется несколько более слабым и вызывает ряд вопросов и возражений.

Фактическая сторона раздела, безусловно, весьма информативна, а приводимая статистика чрезвычайно интересна. Но в отношении анализа данных и общих оценках автор диссертации вновь довольно некритично следует за источниками: жалобами учителей, «недовольных уровнем заработной платы» (с. 133) (что, заметим, обычное состояние для работающего человека) и сетованиями публицистов. Между тем одна из функций публицистики – заострять проблему, потому и работать с соответствующими источниками следует с некоторой осторожностью.

Помещенные в тексте таблицы (3.4 и 3.5) и сопутствующие им комментарии показывают наличие в некоторых учебных заведениях действительно ни с чем несообразных окладов в 25 рублей в год, а также дискриминацию в отношении оплаты женского труда, но о реальном благосостоянии учителей почти ничего не говорят. Так и остается неясным: 200 или 300 рублей – это сколько? Что на них можно было купить? Насколько это больше или меньше тех заработков, которые имели другие работающие женщины – фабричные работницы, швей-надомницы, земские фельдшерицы и акушерки, телефонистки, конторские служащие и т.д.?

К тому же 300 рублей в 1880-м, к примеру, году и после денежной реформы С.Ю.Витте – это разные деньги. Послереформенный рубль стал весомее, имел большую покупательную способность; в этот период существенно снизились все цены.

К слову, в исследуемый Д.А.Громовой период, вплоть до Первой мировой войны в России существовала система фиксированных цен на жизненно важные продукты питания, прежде всего, на печеный хлеб: 1 копейка – фунт ржаного и 3 копейки – фунт простого пшеничного. На протяжении 30 с лишним лет цены на основные продукты почти не менялись (если что-то повышалось на 1-2 копейки, возникали разговоры об «ужасной дороговизне»). В городских газетах периодически печатались

таблицы установленных цен и за их соблюдением в торговле власти постоянно и вполне реально следили.

Таблицы 3.6 и 3.7 (распределение расходов учителей) демонстрируют, действительно, довольно высокий процент расходов на питание (определяющий критерий при оценке уровня жизни), но они же обнаруживают и отсутствие в учительских тратах нескольких важных позиций, которые у обычного работника отнимали львиную долю его доходов. Это расходы на жилье, отопление, освещение и водоснабжение (при отсутствии личного колодца за доставку воды приходилось платить). Эти статьи принимали на себя земство или казна, что, конечно, существенно увеличивало реальную обеспеченность учителей и меняло структуру трат. Речь, таким образом, идет о немалых дополнительных, хотя и скрытых, доходах.

Кроме того, таблицы указывают на существенную экономию учительских расходов на прислугу. В исследуемое время скромная «прислуга за все» - женщина, которая и убирала и готовила, обходилась обычно нанимателям (в зависимости от места и времени) от 3 до 8 рублей в месяц «на хозяйских харчах». Учителя, согласно таблице, тратили на обслугу от 1.40 до 2.85 р. в месяц (с. 133, табл. 3.6).

Автор при этом указывает, что обязанность прислуживать учителю возлагалась на школьного сторожа (получавшего жалованье от земства или казны), но тогдашняя практика университетских общежитий, доходных домов и пр. демонстрировала, что помимо самих сторожей прислуживали (и очень активно – готовили, стирали) и их жены. Нет никаких оснований предполагать, что в школьной среде этого не было. Таким образом, учитель существенно сэкономил на обслуживании, имея за небольшие деньги одного, а возможно, и двух слуг и одновременно экономя на прачке (этой статьи расхода также нет в таблице).

Оценивая реальные доходы учителей, следовало бы также, видимо, рассмотреть вопрос о наличии в Таврической губернии обычного для школ

того времени совместительства. Практика одновременной службы в двух и более учебных заведениях (с получением положенных окладов) была широко распространена во всех типах городских школ. Достаточно ознакомиться с любым «Адрес-календарем», где приводятся штатные списки преподавателей, чтобы обнаружить таких совместителей. Была ли эта практика распространена в конкретном регионе, были ли вовлечены в нее женщины (в других местах были)? Разрешение этих вопросов опять-таки могло бы скорректировать картину реальных учительских доходов.

Не лишним, вероятно, было бы определить и те критерии, по которым сами учащие оценивали свое благосостояние – то есть то самое, что автор диссертации определяет как «представление учителей о личном комфорте» (с. 131), а также статусе. Такие характеристики, как «много», «мало», «достаточно», «недостаточно», по своей крайней субъективности почти ни о чем говорят.

Например, на стр. 131-132 приводятся данные рекомендаций земства, согласно которым учительская квартира должна была состоять минимум из комнаты и кухни общей площадью 72 кв. аршина (около 50 квадратных метров). При подселении второго учителя следовало иметь еще одну комнату от 42 кв. аршин (около 30 кв. метров). Жилая площадь в 80 кв. метров на двоих в представлении большинства российских горожан начала ХХI века, несомненно, роскошна (не говорим уже о советских гражданах эпохи коммуналок). Для учительства же рубежа ХIХ-ХХ вв. это всего лишь нижняя граница нормы.

В этих условиях, конечно, даже помещение в 25 кв. метров могло быть воспринято как «тесное», а размещение в крестьянской избе и вовсе счесть унижением.

Если привлечь дополнительные источники (их множество), можно примерно представить себе статусную норму жилья для представителя «образованного класса». Она могла варьироваться от (верхняя планка) пресловутого профессора Преображенского («один в шести комнатах») до

«скромного жилища», к примеру, художника Н.А.Ярошенко. Армейский полковник, он имел доход и от своей живописи и жил с семьей (4 взрослых и ребенок) в Петербурге в пятикомнатной квартире, имея двух человек прислуги: кухарку и денщика. Две пожилых родственницы Ярошенко делили одну комнату.

Вообще же норма жилья зажиточного горожанина (в том числе интеллигента) высчитывалась по формуле: по комнате на каждого взрослого, одна или несколько детских (в зависимости от числа, возраста и пола детей), одна или две общие комнаты (столовая и гостиная) и кабинет главы семейства; - или два кабинета, если жена тоже занималась умственным трудом. Реальная площадь комнат при этом большого значения не имела — важнее было их количество. Хозяйственные помещения — кухня, кладовые и пр. — подразумевались, но в счет комнат не входили.

При доходах более высоких могли добавиться зал, библиотека, будуар, приемная и др. помещения.

При этом в русской литературе и мемуаристике существовала устойчивая формула для обозначения крайней степени обнищания интеллигентов: «вынуждены были переехать в крошечную трехкомнатную квартирку» (см. повести А.О. Осиповича-Новодворского, воспоминания А.М. Скабичевского и мн. др.). Опять-таки реальные размеры квартиры значения не имели (малогабаритного жилья тогда не строили); важнее был недостаток помещений для привычного размещения.

Сходным образом обстоит дело и с питанием учителей: необходимы критерии.

Приведенный исследовательницей (с. 136) типовой рацион питания примечателен не столько скудостью набора, сколько, во-первых, своим объемом: более 2 килограммов продуктов на одного человека в день. Это много даже по меркам изучаемой эпохи, особенно для человека умственного труда.

Во-вторых, набор продуктов соответствует наиболее распространенной тогда схеме питания средних слоев: утром и вечером хлеб с чаем (кофе, молоком), обед из горячих блюд – суп и мясо с гарниром и ужин из остатков обеда.

В-третьих, набор отражает как медицинские рекомендации, так и статусные представления. Тогдашние диетологи считали основой здорового питания мясо – и только мясо, как наиболее полезную и сытную пищу. Отсюда и сетования учительницы (с. 137), о невозможности иметь каждый день обед хотя бы из двух мясных блюд.

Хлеб и каши также считались пищей здоровой и полезной, а по статусу – нейтральной, поскольку эти продукты потребляли все слои и сословия вплоть до царского дворца. Что же касается простых огородных овощей, то их интеллигенция использовала относительно немного, ибо постов почти никто не держал, а сами по себе капуста и прочее являлись прежде всего едой простонародья. «Образованный класс», если была возможность, предпочитал овощи «изысканные» – цветную капусту, спаржу, зеленый горошек и т.п.

Наконец, следует указать еще на одну особенность пищевого потребления «образованного класса». Обильный материал для ее анализа дают, в частности, воспоминания тетки поэта А.А.Блока М.А. Бекетовой, но есть и другие источники. Мемуаристка очень подробно описывала все детали быта профессорской семьи Бекетовых – семьи зажиточной, но не богатой. Среди прочего описывается и повседневное меню. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что питание было не только разнообразным, но и обильным до расточительности: каждый день заведомо готовилось гораздо больше пищи, чем семья в состоянии была съесть.

Не исключено, что в этой среде покупать и готовить «в обрез», чтобы не выбрасывать несъеденное, могло считаться признаком недостойной скарედности и было не принято. Как представляется,

приводимый автором диссертации учительский рацион эту черту расточительности даже при скудных возможностях также демонстрирует.

Все сказанное наводит на мысль, что в ряде случаев «недостаточность» учителей оказывалась не столько реальной, сколько статусной. При этом статусная нереализованность и переживания по этому поводу были вообще довольно характерны для мировосприятия значительной части российских разночинцев. Д.А.Громова это заметила, но наблюдение свое не развила и не обосновала, ограничившись констатацией материальной недостаточности учительства.

В целом же выводы и наблюдения автора диссертации достаточно убедительны и складываются в единую цельную концепцию.

При том, что написана работа неплохо – внятно и логично, нельзя не обратить внимание на довольно многочисленные стилистические небрежности – например, на с. 99 на 4-х строках трижды употребляется слово «фактический». Особенно велик переизбыток слов «учитель», «учительский» и т.п. Встречаются повторы, иногда дословные («Учитель занимал последнее место в этой иерархии и очень хорошо это сознавал» - на с. 97 и 99, оба раза со ссылкой на один и тот же источник). Нередки также грамматические и пунктуационные ошибки, что несколько снижает общее впечатление от текста. Впрочем, такого рода небрежности могут быть легко исправлены.

В целом, диссертация Д.А.Громовай – вполне качественная работа, демонстрирующая хорошее знание предмета, умение анализировать и делать убедительные выводы.

Сделанные замечания не принципиальны и носят скорее дискуссионный и технический характер и должны восприниматься как пожелания на будущее.

Текст автореферата отражает содержание работы, равно как и опубликованные статьи, три из которых напечатаны в рецензируемых ВАК изданиях.

Диссертация «Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России в конце XIX – начале XX веков (по материалам Таврической губернии)», выполненная на хорошем профессиональном уровне, соответствует пунктам «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Громова Дарья Андреевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».

Официальный оппонент –

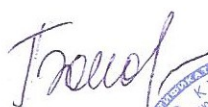
Доктор исторических наук,

Главный научный сотрудник

Федерального бюджетного учреждения

культуры «Государственный Исторический

музей (ГИМ)»

Бокова Вера Михайловна

Адрес: 109012, Москва, Красная пл., 1

Телефон: 8 (495) 698-19-05

E-mail: verabokova1@rambler.ru

27 апреля 2016 г.

Подпись **Удостоверяю**

